

Михаил Владимирович МОРЕВ¹

УДК 316.653

ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В ЗЕРКАЛЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ*

¹ кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, Вологодский научный центр РАН 379post@mail.ru

Аннотация

Категория «доверие» — одна из наиболее обсуждаемых и изучаемых в научном мире. Человечество обращалось к ее осмыслению еще в период древних цивилизаций, и по мере эволюции, научно-технического прогресса, сопровождающегося усложнением социальных и экономических отношений, актуальность роли доверия становилась все более значимой.

В статье представлен авторский взгляд на ключевые причины, обуславливающие роль институционального доверия в контексте современного исторического этапа развития. Анализируются результаты авторитетных международных исследований институционального доверия (Edelman Trust Barometr, The European Social Survey).

Основная часть статьи посвящена факторам, определяющим существующую структуру институционального доверия в России. Для этого использованы данные масштабных общероссийских социологических исследований (проводимых ВЦИОМ, Левада-Центром, Институтом социологии РАН), а также сделан акцент на результатах регионального мониторинга общественного мнения, проводимого Вологодским научным центром с 1996 г. на территории Вологодской области.

Сделан вывод о том, что в настоящее время характер институционального доверия россиян обусловлен четырьмя группами факторов: традиционными для переходного

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18-013-01077).

Цитирование: Морев М. В. Факторы институционального доверия в зеркале региональных социологических измерений / М. В. Морев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Том 4. № 3. С. 86-104. DOI: 10.21684/2411-7897-2018-4-3-86-104

общества с рыночной экономикой; связанными с исторической, социокультурной спецификой Российской Федерации; связанными со спецификой российской трансформации последних десятилетий, а также с современными проблемами эффективности государственного управления.

В статье также обращается внимание на то, что существуют объективные обстоятельства, обуславливающие неизбежность дальнейшей актуализации роли доверия в формировании социально-экономических не только внутренних, но и геополитических отношений. В соответствии с этим сделан вывод о необходимости актуализации инновационных диагностических инструментов, способных адекватно отражать различные аспекты тенденций и факторов институционального доверия, что обуславливает важность содержательного включения социологической науки в деятельность органов управления и иных институтов общественного развития.

Ключевые слова

Институциональное доверие, факторы, современный этап исторического развития, российское общество, социологические исследования, эффективность государственного управления, мониторинг.

DOI: 10.21684/2411-7897-2018-4-3-86-104

Введение. Актуальность доверия на современном этапе развития мировой цивилизации

Такая философская категория, как «доверие», является одной из наиболее «разработанных» в научном мире. На протяжении всей истории становления современной мировой цивилизации находились специфические факторы, обуславливавшие интерес к данной теме. В Древней Греции к ней обращались Аристотель, Перикл. В Древнем Китае — Конфуций, Шая Ян. Позже феномен доверия рассматривали в своих трудах Н. Макиавелли, Гоббс, Локк, Руссо, И. Кант и др.

В конце XIX — первой половине XX в. к теме доверия обращаются европейские и американские социологи (Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Т. Парсонс, Дж. Коулмен, П. Блау, М. Вебер и др.). Значительное влияние оказал бихевиоризм и, в частности, теория игр (Джон фон Нейман, Оскар Моргенштерн, Роберт Аксельрод [54]), получившая свое развитие в политологии, конфликтологии, экономике [44, 46].

Вторая мировая война и последующие за ней изменения в мире («холодная война», развитие международных правовых организаций) обусловили интерес к политическим аспектам доверия, что нашло отражение в работах зарубежных (Ч. Кегли, Г. Раймонд [37], А. Хоффман [35], С. Кониордос [41], М. Сيني [31]) и отечественных (Ю. А. Борко [3], О. В. Буторина [4], В. Л. Иноземцев [10], М. Л. Энтин [26]) ученых. С 70-х гг. XX в. к проблематике доверия обращаются такие ученые, как Н. Луман [42], А. Селигмен [47], Ф. Фукуяма [33], Б. Миштал [44], П. Штомпка [52], Р. Хардин [34] и др.

Актуальность изучения доверия, его факторов и последствий в настоящее время во многом связана с рубежным характером современного периода, характеризующегося нестабильной международной обстановкой, турбулентным протеканием экономических и политических процессов, перманентным конфликтом между необходимостью защиты и соблюдения национальных интересов в государственной политике на фоне усиливающегося влияния объективных факторов глобализации (Интернет, транснациональные корпорации, криптовалюта и т. д.).

В XXI в. все более очевидными становятся признаки кризиса либерально-капиталистической системы, господствовавшей на протяжении фактически 70 лет [8]. С другой стороны, современная мировая цивилизация сталкивается с глобальными вызовами, создающими угрозу для существования всего человечества, что налагает особую ответственность на страны мира, которые являются ключевыми участниками геополитической конкуренции. Неслучайно ее характеризуют как «общество опасностей и катастроф» [30], общество, «в котором безопасность поднята до уровня центральной ценности» [32, 2]. В этих условиях феномен доверия приобретает исключительно важное значение; без него «общество распалось бы, поскольку лишь немногочисленные виды взаимоотношений основываются нами на абсолютно бесспорном знании о другом человеке» [49].

Другая причина актуализации роли доверия в XXI в. носит эволюционный, исторический характер и заключается в усилении субъективного фактора общественного развития. Это подчеркивают как зарубежные [43, с. 447], так и российские [15, 22, 28] ученые.

Идеи гуманизма и самоценности человеческой личности, доминирующие в эпоху Возрождения, расцвет буржуазных отношений в XVII-XVIII вв., концепция гражданского общества в конце XVIII в., появление психологии как самостоятельной научной дисциплины во второй половине XIX в. — в XXI в. этот перечень исторически складывающихся инструментов, обеспечивших вектор актуализации роли субъективного фактора развития, пополнился небывалым развитием информационных технологий, обусловившем глобальность процесса коммуникации, многовариативность выбора мнений (в том числе на индивидуальном уровне), а также существование такого явления, как «гибридная война», обусловившей появление новых, информационных методов управления обществом [14, с. 153].

Неслучайно ядром новой экономики на рубеже XX-XXI вв. стала «экономика знаний», рамки которой нашли отражение в различных документах международного характера [25, 40, 53, 56], а ключевым ресурсом развития стал человеческий, интеллектуальный потенциал. Мировой финансовый кризис второй половины 2000-х гг. во многом катализировал критику классической рыночной экономики, обнажив необходимость ее трансформации в меняющихся условиях глобального мира. В частности, подвергся критике постулат Джона Мейнарда Кейнса о том, что в основе экономики лежит «животный азарт» («animal spirits») [29, 38].

Следует также отметить, что развитию рыночной экономики сопутствует рост неуверенности в будущем [38, 39]. Поэтому поиск путей и механизмов того, чтобы «сделать неизвестное будущее вычислимым» [2], всегда являлся актуальным, и доверие является одним из инструментов, при помощи которого можно решить эту задачу [36, 42, 51, с. 274].

Таким образом, роль доверия в современном мире переоценить крайне сложно. Его значимость как на индивидуальном, так и на глобальном уровнях имеет под собой эволюционно-исторические, складывающиеся веками основания, а также специфические причины, связанные с особенностями развития государств в XXI в. и глобальными вызовами, перед лицом которых окажется человечество в ближайшем будущем. Это особенно актуально для нынешних и перспективных центров мирового капитала — ключевых участников геополитической конкуренции, к числу которых по своим объективным характеристикам (геополитический статус, историческое и культурное наследие, природные ресурсы, передовой уровень развития ВПК и т. д.) в полной мере можно отнести и Российскую Федерацию.

Институциональное доверие в России: зарубежные и национальные исследования

Для того, чтобы проанализировать основные тренды институционального доверия в ведущих странах мира, мы использовали два источника:

1. *Ежегодное международное исследование Edelman Trust Barometr* американской компании Edelman, изучающей международный уровень институционального доверия около 20 лет. В 2018 г. объем выборки исследования составил 32 200 чел., проживающих в 28 странах мира.
2. *Европейское социальное исследование (The European Social Survey)*, которое проводится с 2001 г. с периодичностью 1 раз в 2 года (Россия участвует с 2006 г.). Объем выборки — 1 500-3 000 чел. в возрасте 15 лет и старше. Опросы проводятся по случайной репрезентативной выборке методом личных интервью. С целью расширения возможностей сопоставления результатов Европейского социального исследования с данными опросов, проводимых на национальном и региональном уровне, нами анализировались данные четвертой волны опроса (2008 г.), а также последней (седьмой) волны (2016 г.). Для анализа были отобраны страны, которые участвовали в обеих волнах (всего 16 стран).

Согласно исследованиям компании Edelman, общий уровень доверия в большинстве стран имеет тенденцию увеличения. За период с 2012 по 2018 г. интегральный индекс доверия возрос в 16 из 26 государств, в том числе в России (с 30 до 36 пунктов). Тем не менее по данному показателю Российская Федерация занимает последнее (28) место. Лидером по интегральному индексу доверия 2018 г. (как и в 2012 г.) является Китай (74 п.).

По данным Европейского социального исследования, за период с 2008 по 2016 г. уровень доверия основным институтам также возрос в большинстве стран

Старого света. В том числе в России, где за последние 8 лет отмечается снижение уровня доверия только Организации Объединенных Наций (с 4 до 3 баллов). В 2016 г. Российская Федерация находилась на 11 (из 16) месте по уровню доверия Парламенту (в 2008 г. — на 10); по уровню доверия судебной-правовой системе — на 14 месте (в 2012 г. — на 15); полиции — на последнем 16 месте (как и в 2012 г.); политикам — на 10 месте (в 2012 г. — на 11); политическим партиям — на 10 месте (в 2012 г. — на 12); ООН — на 15 месте (в 2012 г. — на 14).

Таким образом, результаты авторитетных американских и европейских исследований позволяют говорить о росте институционального доверия в мире. Эта тенденция характерна и для России, однако среди других стран Российская Федерация не отличается высоким уровнем институционального доверия (особенно к общественным организациям).

При рассмотрении вопросов, связанных с институциональным доверием, мы обращались к результатам крупнейших отечественных мониторингов общественного мнения, проводимым Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Левада-Центром и Институтом социологии РАН (ИС РАН) в рамках гранта РФ «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах (продление гранта 2014-2016 гг.)». Однако основными информационными источниками в нашем исследовании выступили региональные социологические исследования: мониторинг общественного мнения, который Вологодский научный центр проводит уже более 20 лет (с 1996 г.), а также опрос, проведенный в рамках гранта «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующего общества»¹.

Указанные источники позволяют ответить на вопрос о факторах, влияющих на специфику доверия в современном российском обществе, а также о последствиях их распространения, которые носят комплексный характер, затрагивая сферу не только общественного сознания, но и конкретных форм поведения.

Во-первых, на характер институционального доверия россиян во многом влияет социокультурный фактор. Об этом свидетельствует тот факт, что в структуре институтов, пользующихся наибольшим доверием, доминируют традиционные для российского менталитета субъекты — государство (прежде всего, президент), армия (а также силовые структуры), церковь (таблица 1). Исторически Россия всегда тяготела к самодержавию и патернализму. Это характерная

¹ Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН осуществляется с 1996 г. Каждая «волна» опросов проводится 1 раз в 2 мес. Выборку исследования составляют 1 500 респондентов старше 18 лет, проживающих в г. Вологде и г. Череповце, а также в 8 районах Вологодской области. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между населением городских и сельских территорий; между жителями сельских населенных пунктов, малых и средних городов; а также половозрастной структуры взрослого населения региона. Метод опроса — анкетирование по месту жительства. Ошибка выборки не превышает 3%.

черта русской цивилизации [21]. На их фоне уровень доверия общественным институтам (НКО, политическим партиям, общественным организациям), СМИ, предпринимательским кругам и т. д. является существенно более низким. Во многом «благодаря» тому, что вторые дискредитировали себя еще в период «лихих 1990-х», а в компетенцию первых просто не входят те острейшие проблемы, которые испытывает население: зарплаты, пенсии, качественное образование и здравоохранение, — со всеми этими вопросами общество обращается, прежде всего, к государству (хотя это никак не умаляет роль общественных организаций и значение тех благих задач, которые они реализуют в своей деятельности). Отметим также, что выявленная на региональном уровне структура институционального доверия в целом коррелирует как с данными международных социологических исследований (о которых мы говорили выше), так и с данными общероссийских опросов [11].

Таблица 1

Table 1

Уровень доверия государственным и общественным институтам (в % от числа опрошенных)*

Level of trust in state and public institutions (% of the respondents)*

Вариант ответа	Годы									
	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2017
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Президент РФ	57,1	53,1	54,4	62,0	65,2	56,8	45,7	57,0	62,0	59,6
Церковь	42,3	35,4	42,9	42,9	51,9	47,0	41,4	44,7	47,1	47,4
Правительство РФ	42,7	33,8	35,2	42,1	60,2	52,4	39,6	48,3	48,8	46,0
Армия	37,0	28,5	27,1	29,6	37,8	34,5	31,3	37,8	43,9	45,1
ФСБ	34,2	25,8	28,4	35,3	43,8	36,0	33,2	36,4	40,6	43,6
Полиция	27,2	22,3	23,7	29,0	36,5	32,7	29,3	35,4	41,7	43,0
Прокуратура	30,9	21,7	28,8	33,3	40,9	36,1	33,9	38,5	40,3	42,9
Суд	31,6	24,7	31,0	35,5	41,3	37,4	36,1	36,9	39,3	42,7
Совет Федерации	28,3	21,7	27,1	34,3	47,6	38,1	32,3	40,2	39,3	37,5
Государственная Дума	23,0	18,2	26,0	27,9	42,0	33,5	30,5	35,2	33,0	34,1
Руководство области	31,3	23,2	30,0	37,7	48,6	41,0	34,6	37,4	38,5	34,0

Окончание таблицы 1

Table 1 (end)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Органы местного самоуправления	н.д.	н.д.	н.д.	26,6	40,9	35,6	29,3	35,1	33,3	32,4
Общественная палата РФ	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	27,3	28,1	32,8	32,1	31,7
Профсоюзы	28,4	22,4	26,5	27,4	35,9	29,9	25,6	26,6	28,1	29,9
СМИ	30,2	29,6	31,8	30,4	27,5	28,7	28,7	28,0	25,7	27,8
Общественная палата области	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	24,8	25,4	29,4	28,0	27,0
Общественные организации	—	—	—	20,0	32,6	26,7	26,5	25,5	24,2	25,8
Директоры, руководители предприятий	19,6	17,4	21,5	26,5	30,5	22,8	25,1	21,9	20,5	22,8
Политические партии	20,4	11,6	18,5	16,0	17,6	20,0	22,8	20,2	18,1	20,1
Банковские, предпринимательские круги	12,4	10,7	17,6	22,6	26,6	21,5	21,3	18,8	17,2	19,0

Примечания: *Вопрос задавался в 1996 г., регулярно задается с 2000 г. Ранжировано по 2017 г.

Источник: мониторинг общественного мнения ВолНИЦ РАН

Note: *The question was asked in 1996, and is regularly asked since 2000; ranged as of 2017

Source: VolRC RAS population's opinion monitoring

Во-вторых, для российского общества характерна проблема, традиционная для любого общества рыночного типа в период трансформации. В частности, речь идет о неуверенности и даже страхе перед будущим, которая в российских условиях усугубляется двумя факторами: сравнительно недавним историческим опытом взаимоотношений общества с властью, дискредитировавшей себя в период «лихих 1990-х» [18, с. 143], и неудовлетворенностью динамикой социально-экономического положения, многолетним («застойным») характером актуальных проблем [7, с. 6], связанных с динамикой уровня и качества жизни. Так, в структуре наиболее актуальных для населения проблем лидирующие позиции на протяжении периода с 1999 по 2017 г. устойчиво занимали инфляция, низкий уровень жизни, бедность (55-56%), расслоение населения на «бедных» и «богатых» (рост за период с 1999 по 2017 г. — с 21 до 39%).

На рис. 1 представлены данные о динамике доли жителей Вологодской области, сталкивающихся (по их собственным самооценкам) с проблемой неуверенности в завтрашнем дне. Результаты мониторинга говорят о том, что на протяжении последних почти 20 лет (1997-2016 гг.) удельный вес людей, испытывающих данную проблему, был и остается выше 60%, причем с 2007 по 2016 г. их удельный вес увеличился в 2 раза (рис. 1).

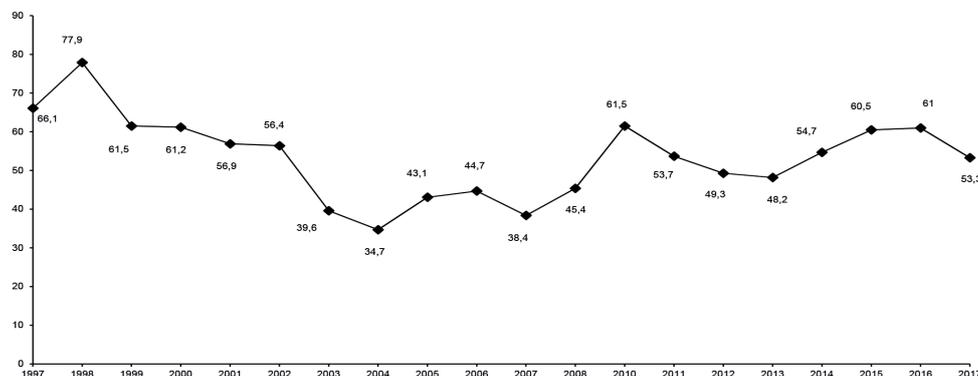

Рис. 1. Доля людей, сталкивающихся с проблемой отсутствия уверенности в завтрашнем дне (в % от числа опрошенных)*

Примечание: *Вопрос: «С какими из перечисленных проблем Вы лично столкнулись в прошлом году?». Вариант ответа: «отсутствие уверенности в завтрашнем дне». Вопрос задается один раз в год
Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН

Fig. 1. Proportion of people facing the problem of a lack of trust in the future (% of the respondents)*

Note: "Which of these problems did you personally encounter last year?". Possible answer: "lack of confidence about tomorrow". The question was asked once a year
Source: VolIRC RAS population's opinion monitoring

Результаты проведенных исследований позволяют также говорить о том, что неуверенность в завтрашнем дне характерна для самых разных слоев населения, независимо от пола, возраста, уровня образования, территории проживания, материального положения и т. д. При этом она не воспринимается как серьезная проблема, поскольку на протяжении практически всего периода измерений (за исключением 2009 г., характеризовавшегося наиболее ощутимыми последствиями мирового финансового кризиса) повседневное настроение имело позитивную динамику (рис. 2).

Вместе с тем отсутствие уверенности в завтрашнем дне приводит к тому, что россияне перестают строить планы на будущее, в том числе такие важные, как «улучшение качества питания» (по данным опросов за период с 2001 по 2017 г., доля людей, не планирующих в ближайшем году улучшение качества питания, увеличилась с 14 до 46%), «осуществление необходимого медицинского лечения» (с 30 до 47%), «обеспечение получения детьми качественного образования» (с 37 до 61%; таблица 2).

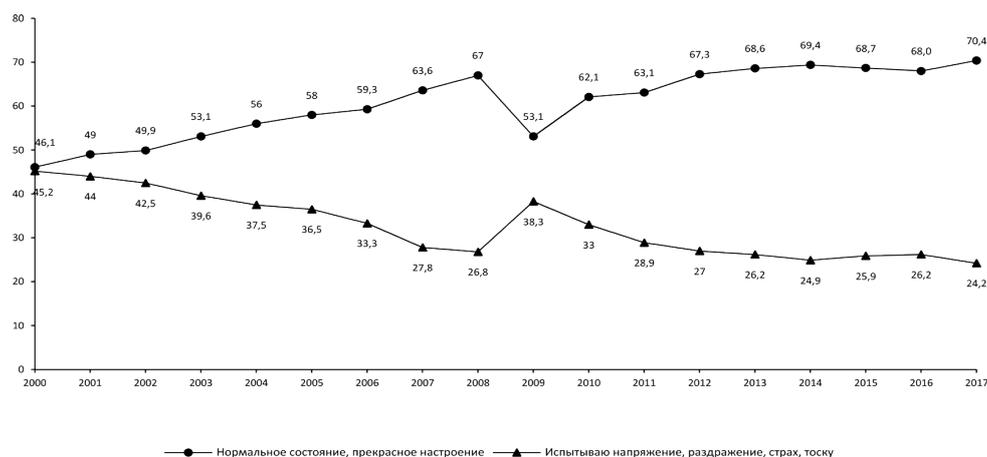

Рис. 2. Динамика социального настроения (в % от числа опрошенных)*

Примечание: *Вопрос: «Как бы Вы охарактеризовали свое настроение в последние дни?»

Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН

Fig. 2. Dynamics of social mood (% of the respondents)*

Note:*The question: “How would you characterize your mood in the last days?”

Source: VolRC RAS population’s opinion monitoring

Таблица 2

Доля людей, не планирующих... (в % от числа опрошенных)

Table 2

Proportion of people not planning to... (% of the respondents)

Вариант ответа	2001 г.	2017 г.	Изменение +/- 2017 г. к 2001 г.
Обеспечить детям получение качественного образования	36,6	61,1	+25
Улучшить качество питания	14,3	45,9	+32
Приобрести загородный дом, дачный участок	49,0	71,1	+22
Получить работу	35,2	54,5	+19
Осуществить необходимое медицинское лечение	29,5	47,2	+18
Улучшить жилищные условия	27,6	44,5	+17
Приобрести автомобиль	43,8	58,5	+15
Повысить зарплату	17,1	31,9	+15
Провести отпуск в санатории (доме отдыха) в пределах России	40,3	54,7	+14
Приобрести новую одежду, обувь	10,9	25,3	+14
Провести отпуск за рубежом	53,2	60,7	+8

Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН

Source: VolRC RAS population’s opinion monitoring

В-третьих, на специфику современного институционального доверия россиян значительное влияние оказывает опыт социальной трансформации последних десятилетий. В начале XXI в. государству удалось выполнить главную на тот исторический момент задачу — предотвратить тотальное обнищание населения, отодвинуть страну от края пропасти. Однако распад СССР повлек за собой не столько экономический, сколько социально-психологический кризис, поскольку была фактически полностью разрушена идеология 70-летней «выдержки». И если на ликвидацию последствий экономического кризиса при эффективном управлении могут потребоваться годы, то для преодоления последствий социально-психологической дезадаптации нужны десятилетия. У российского общества такого «лага» не было, и по большому счету по-прежнему нет.

Распад Советского Союза «разорвал поступательное развитие российского государства и общества» [23, с. 14] и привел к комплексному (социально-экономическому, политическому, демографическому, морально-нравственному, культурно-ценностному) кризису, предопределив тот факт, что «травмированность и антиномичность сознания стали характерными чертами общественного сознания всего населения постсоветской России» [23, с. 15]. Как следствие постсоветский социум приобрел парадоксальные (то есть лишённые векторной нагрузки [28]) характеристики общественного сознания, многочисленные примеры которых встречаются в общероссийских и региональных исследованиях общественного мнения [1, с. 708]. Например, как показывают результаты мониторинговых социологических исследований ВолНЦ РАН, люди считают, что СМИ играют положительную роль в жизни страны (в последние 11 лет (2005-2016 гг.) это мнение разделяли более половины жителей региона), однако за период с 2000 по 2016 г. доверие средствам массовой информации оказывали лишь 25-30% жителей региона.

Другой пример — в период с 2012 по 2017 г. актуальность проблем жилищно-коммунального хозяйства для населения г. Вологды последовательно снижалась (в целом за данный период — на 10-30%). Тем не менее аналогичную динамику демонстрировал и удельный вес жителей областной столицы, считающих успешными действия мэра по решению жилищно-коммунальных проблем населения (в целом за 2012-2017 гг. на 5-30%).

Четвертый фактор связан с субъективным восприятием динамики социально-экономического положения и неослабевающей актуальностью потребности в социальной справедливости. В Конституции РФ указано, что Россия является социальным государством (статья 7) [12], однако, несмотря на различные модели социального государства, существующие в разных странах мира [20], их суть едина и была сформулирована еще в середине XIX в.: «функцией государства является поддержание абсолютного равенства в правах для всех различных общественных классов, для отдельной частной самоопределяющейся личности посредством своей власти» [55].

В России же проблема социального неравенства приобрела огромные масштабы в постсоветский период. Это видно, в частности, по данным зарубежных исследований [45].

По оценкам экспертов, 8 — предельно критическое значение коэффициента фондов [5, 13, с. 72]. Однако в последние 10 лет этот показатель выше почти в 2 раза (15), и это только по данным официальной статистики. По некоторым оценкам, разрыв в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных составляет «фактически 28-36 раз» [19].

Следует также отметить, что для российского общества важна не столько динамика уровня жизни, сколько именно социально справедливое распределение доходов и гарантии социальной защиты со стороны сильного государства. Мечта о «более справедливом и разумно устроенном обществе», как убедительно показали исследования Института социологии РАН, входит в тройку самых главных желаний россиян наряду с такими вполне естественными потребностями, как здоровье и материальное благополучие [16, с. 11]. По данным исследований, проведенных ВолНЦ РАН, за 2017 г. доля тех, кто считает, что нынешнее общество устроено несправедливо, увеличилась с 51 до 57% (на 6 п.п.; рис. 3).

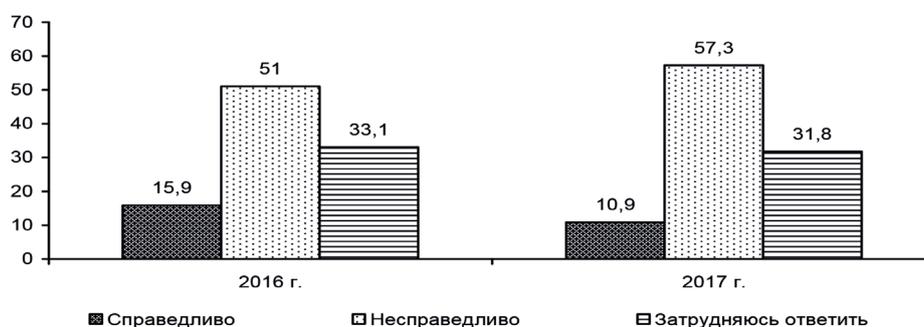

Рис. 3. Как Вы считаете, современное российское общество устроено справедливо или несправедливо? (в % от числа опрошенных)

Fig. 3. Do you think, the modern Russian society is fair or unfair? (% of the respondents)

Заключение

Таким образом, институциональное доверие россиян определяется целым комплексом факторов. Часть из них носит традиционный для переходного общества рыночной формации характер; некоторые определяются спецификой исторических, ментальных, социокультурных традиций, складывавшихся на протяжении всей отечественной истории; некоторые факторы можно назвать «современными», сложившимися в постсоветский период, но также являющимися исключительными для Российской Федерации. Все эти факторы действуют одновременно, и рассматривать их изолированно друг от друга можно исключительно в научных целях.

Комплексный характер влияния вышеупомянутых факторов, а также важность институционального доверия для развития экономики и поддержания социальной стабильности в стране (особенно в свете приоритетных задач на ближайшую «шестилетку»), которые были озвучены В. Путиным в Послании

Федеральному собранию РФ 1 мая 2018 г. [17] и закреплены в Указе «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [24]) актуализируют рассматриваемую проблему не столько с точки зрения внутреннего национального развития, сколько с точки зрения обеспечения национальной безопасности и устойчивых позиций в геополитической конкуренции, а также в плане формирования эффективных ответов человечества на глобальные вызовы будущего.

С течением времени, по мере адаптации российского социума к постсоветским условиям, формирования и укрепления новой ценностно-мировоззренческой картины, а вслед за ней и общественно-политической повестки, факторы, влияющие на характер институционального доверия, трансформируются. Это во многом естественный процесс, связанный со сменой поколений и активизацией роли молодежи, «не заставшей» ни советской эпохи, ни периода «лихих 90-х».

Однако ряд факторов требуют целенаправленного, научно обоснованного управления. Прежде всего, тех из них, которые связаны с вопросами эффективности государственного управления (обеспечение устойчивого роста уровня и качества жизни, гарантий государственной социальной защиты, преодоления неравенства, социальной справедливости), а также с повышением уровня развития гражданского общества (статус деятельности общественных организаций, внутренняя мотивация гражданской позиции широких слоев населения). Целенаправленное воздействие на факторы риска — процесс, в котором задействованы многие субъекты и (с учетом российских реалий), прежде всего, государство. Роль социологической науки должна заключаться не только в сопровождении, но и в «реальном, содержательном включении, соучастии» [6] в деятельности органов государственной власти, общественных и бизнес-структур. В частности, по вопросам научного обоснования принимаемых решений, а также в разработке индикаторов, репрезентативно отражающих характер общественных потребностей, эффективность деятельности органов государственного управления, прогнозные сценарии будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арефьев А. Л. Парадоксы массового сознания населения России / А. Л. Арефьев, Ф. Э. Шереги // Вестник Российской академии наук. 2017. № 8. Том 87. С. 706-715.
2. Бехман Г. Современное общество как общество риска / Г. Бехман // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 26-46.
3. Борко Ю. А. Новый этап европейской интеграции — новые вопросы для исследователей / Ю. А. Борко // Вестник РАН. 2004. № 10.
4. Буторина О. В. Экономический и валютный союз ЕС в мире. Теория и практика / О. В. Буторина // Доклады Института Европы. 2001. № 85.
5. Глазьев С. Ю. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием / С. Ю. Глазьев, В. В. Локосов // Вестник РАН. 2012. Т. 82. № 7. С. 587-614.

6. Горшков М. К. Актуальные проблемы современного российского общества: научные подходы и практика: публичная лекция / М. К. Горшков. г. Вологда, 20 июня 2014 г.
7. Горшков М. К. Российская социология и вызовы современного общества: вместо предисловия / М. К. Горшков // Россия реформирующаяся: Ежегодник. 2010. Вып. 9. М.: Новый Хронограф, 2010. С. 3-18.
8. Есть ли будущее у капитализма? / И. Валлерстайн и др.; пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с.
9. Ильин В. А. «Капитализм для своих» — источник социального неравенства в современной России / В. А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 6. С. 9-23.
10. Иноземцев В. Л. Европа, Америка, Россия: центр и окраины / В. Л. Иноземцев // La Pensee russe. № 1 (4632). 12-18 января 2007
11. Институциональное доверие // Пресс-выпуск Левада-Центра от 13.10.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/10/13/institutsionalnoe-doverie-2/>
12. Конституция РФ (глава 1, ст. 7, п. 1). URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>
13. Локосов В. В. Метод предельно критических показателей и оценка человеческого потенциала / В. В. Локосов // Экономика. Налоги. Право. 2012. № 5. С. 71-75.
14. Малинецкий Г. Г. Междисциплинарные идеи в социологии и вызовы будущего / Г. Г. Малинецкий // Социологические исследования. 2015. № 4(372). С. 152-161.
15. Осипов Г. В. Не упустить предоставившийся шанс! / Г. В. Осипов // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. М.: ИСПИ РАН, 2013. С. 6-18.
16. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М. К. Горшков, Р. Крумм, Н. Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2013. 424 с.
17. Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
18. Симонян Р. Х. Есть ли особый «русский путь»? (полемиические заметки) / Р. Х. Симонян // Социс. № 7. 2013. С. 137-148.
19. Смолин О. Н. Не надоело врать? Шокирующие признания специалиста по российской статистике / О. Н. Смолин // Советская Россия. 2011. URL: <http://www.sovross.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=589425>
20. Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / отв. ред. Ю. Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 189 с.
21. Сулакшин С. С. Интервью «Конституция РФ: оставить нельзя изменить» // Официальный сайт Центра научной политической мысли и идеологии (центр Сулакшина). URL: <http://rusrand.ru/tv/media/stepan-sulakshin-na-finamfm-konstitutsija-rf-ostavit-nelzja-izmenit> (дата обращения: 15.10.2014).
22. Тощенко Ж. Т. Социальное настроение — феномен социологической теории и практики / Ж. Т. Тощенко // СОЦИС. 1998. № 1. С. 21-34.
23. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.
24. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425>

25. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы: Доклад Всемирного банка. М., 2003.
26. Энтин М. Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский Союз в 2004-2005 годах. СПб, 2006.
27. ЮНЕСКО. Всемирный доклад «К обществу знаний». 2005.
28. Ядов В. А. Россия как трансформирующееся общество (Резюме многолетней дискуссии социологов) / В. А. Ядов // Общество и экономика. 1999. № 10-11. С. 65.
29. Akerlof G. A. Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy and Why It Matters for Global Capitalism / G. A. Akerlof, R. J. Shiller. Princeton: Princeton University Press, 2009.
30. Beck U. Risk Society towards an Another Modern / U. Beck. 2000.
31. Cini M. European Union Politics / M. Cini. Oxford University Press, 2007
32. Ewald F. Die Versicherugs — Gesellschaft / F. Ewald. Kritische Justiz, 1989.
33. Fukuyama F. Trust / F. Fukuyama. New York: Free Press Paperbacks, 1995.
34. Hardin R. Conceptions and Explanations of Trust / R. Hardin, ed. by Karen S. Cook // Trust in Society. New York: Russell Sage, 2001.
35. Hoffman A. Building Trust: Overcoming Suspicion in International Conflict / A. Hoffman. SUNY Press, 2005.
36. Hosking G. Trust: Money, Markets, and Society / G. Hosking. 2011.
37. Kegley Ch., Raymond G. When Trust Breaks Down: Alliance Norms and World Politics / Ch. Kegley, G. Raymond. University of South Carolina Press, 1990.
38. Keynes J. M. A Treatise on Probability / J. M. Keynes, 1921.
39. Knight F. H. Risk, Uncertainty, and Profit / F. H. Knight. 1921.
40. Knowledge Economy II Forum “Implementing Knowledge Economy Strategies: Innovation, Life-Long Learning, Partnerships, Networks, and Inclusion.” Helsinki, March 25-28, 2003.
41. Koniordos S. Networks, Trust, and Social Capital: Theoretical and Empirical Investigations from Europe / S. Koniordos. Ashgate Publishing, Ltd., 2005.
42. Luhmann N. Trust and Power / N. Luhmann. New York: John Wiley and Sons, 1980.
43. Merton R. K. Social Theory and Social Structure / R. K. Merton. Free Press, 1968. P. 477.
44. Misztal B. Trust in Modern Societies / B. Misztal. Cambridge: Polity Press, 1996.
45. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905-2016 / F. Novokmet, T. Piketty, G. Zucman // National Bureau of Economic Research. Cambridge, MA, August 2017. 79 p.
46. Ordeshook P. Game Theory and Political Theory / P. Ordeshook. Cambridge University Press, 1986. DOI: 10.1017/CBO9780511666742
47. Seligman A. B. The Problem of Trust / A. B. Seligman. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1997.
48. Shelling T. C. The Strategy of Conflict / T. C. Shelling. Cambridge, Massachussets, 1963.
49. Simmel G. The Philosophy of Money / G. Simmel. London: Routledge, 1990. Pp. 178-179.
50. Skidelsky R. Keynes: The Return of the Master / R. Skidelsky. London: Allen Lane, 2009. P. 169.

51. Stiglitz J. E. The Roaring Nineties: Seeds of Destruction / J. E. Stiglitz. London: Allen Lane, 2003. P. 274.
52. Sztompka P. Trust: A Sociological Theory / P. Sztompka. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
53. The New Knowledge Economy in Europe. A Strategy for Internationale Competitiveness and Social Cohesion / ed. by M. J. Rodrigues, E. Elgar. Pbl., 2002.
54. von Neumann J., Morgenstern O. Theory of Games and Economic Behavior / J. von Neumann, O. Morgenstern // Science Editions. J. Wiley, 1944. 641 p.
55. von Stein L., Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage / L. von Stein. Bd. III. Munchen, 1921.
56. World Development Report (1998/99): Knowledge for Development. The World Bank, 1999.

Mikhail V. MOREV¹

UDC 316.653

FACTORS OF INSTITUTIONAL TRUST IN THE FRAMEWORK OF REGIONAL SOCIOLOGICAL POLLS*

¹ Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher,
Head of Laboratory for Study of Social Processes and Public Administration Efficiency,
Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
379post@mail.ru

Abstract

The category “trust” is one of the most discussed and studied in the scientific world. People have shown interest in it since the Ancient period, and the role of trust has become increasingly relevant during the evolution of scientific and technological progress and the growing complexity of social and economic relations.

This article presents the author’s view on key reasons behind the role of institutional trust in the context of a modern historical development stage. It discloses the results of worthy international studies of institutional trust (Edelman Trust Barometer, the European Social Survey). A significant part of the paper studies the factors determining the current structure of institutional trust in Russia. For this purpose, the author uses the data of large-scale Russian sociological studies (conducted by VCIOM, Levada Center, and Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences).

This article considers results of the regional public opinion monitoring conducted by the Vologda Research Center since 1996 in the Vologda Oblast. It concludes that the nature of institutional trust of the Russians is determined by four groups of factors: the traditional ones for a transitional society with a market economy; the ones related to Russian historical and socio-cultural specifics; the ones related to recent Russian transformation specifics; and the ones related to modern problems of public administration efficiency.

This article also draws attention to the fact that there are objective circumstances that predetermine further actualization of the role of trust in the formation of socio-economic internal and geopolitical

---

* The work was supported by RFBR (grant No 18-013-01077).

Citation: Morev M. V. 2018. “Factors of Institutional Trust in the Framework of Regional Sociological Polls”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 4, no 3, pp. 86-104.

DOI: 10.21684/2411-7897-2018-4-3-86-104

relations. Thus, the author makes a conclusion about the necessity to update innovative diagnostic tools that can adequately reflect various aspects of trends and factors of institutional trust. It determines the importance of meaningful inclusion of sociological science in the activities of government and other social development institutions.

Keywords

Institutional trust, factors, modern historical development stage, Russian society, sociological research, public administration efficiency, monitoring.

DOI: 10.21684/2411-7897-2018-4-3-86-104

REFERENCES

1. Arefyev A. L., Sheregi F. E. 2017. "Paradoksy massovogo soznaniya naseleniya Rossii" [Paradoxes of Mass Consciousness of Russian Population]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, vol. 87, no 8, pp. 706-715.
2. Bekhman G. 2007. "Sovremennoe obshchestvo kak obshchestvo riska" [Modern Society as a Risk Society]. *Voprosy filosofii*, no 1, pp. 26-46.
3. Borko Yu. A. 2004. "Noviy etap evropeyskoy integratsii — novye voprosy dlya issledovateley" [New Stage in European Integration — New Questions for Researchers]. *Vestnik RAN*, no 10.
4. Butorina O. V. 2001. "Ekonomicheskiy i valyutnyy soyuz ES v mire. Teoriya i praktika" [Economic and Monetary Union of the EU in the World. Theory and Practice]. *Doklady Instituta Evropy*, no 85.
5. Glazyev S. Yu., Lokosov V. V. 2012. "Otsenka predel'no kriticheskikh znacheniy pokazateley sostoyaniya rossiyskogo obshchestva i ikh ispol'zovanie v upravlenii sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem" [Assessment of Critical Values of Indicators of the State of Russian Society and their Use in the Management of Socio-Economic Development]. *Vestnik RAN*, vol. 82, no 7, pp. 587-614.
6. Gorshkov M. K. 2014. Aktual'nye problemy sovremennogo rossiyskogo obshchestva: nauchnye podkhody i praktika: publichnaya lektsiya [Actual Issues of Modern Russian Society: Scientific Approaches and Practice: Public Lecture]. 20 June. Vologda.
7. Gorshkov M. K. 2010. "Rossiyskaya sotsiologiya i vyzovy sovremennogo obshchestva: vmesto predisloviya" [Russian Sociology and Challenges of Modern Society: Instead of Introduction]. *Rossiia reformiruyushchayasya: Ezhegodnik — 2010*, no 9, pp. 3-18. Moscow: Noviy Khronograf.
8. Wallerstein I. 2015. Est' li budushchee u kapitalizma? [Does Capitalism Have a Future?]. Translated from English; edited by G. Derlugyan. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara.
9. Ilyin V. A. 2017. "Kapitalizm dlya svoikh' — istochnik sotsial'nogo neravenstva v sovremennoy Rossii" ["Capitalism for Close People" Is a Source of Social Inequality in Modern Russia]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, no 6, pp. 9-23.
10. Inozemtsev V. L. 2007. "Evropa, Amerika, Rossiya: tsentr i okrainy" [Europe, America, Russia: Center and Suburbs]. *La Pensee russe*, 18 January, vol. 4632, no 1.

11. Levada Center. 2016. *Institutsional'noe doverie* [Institutional Trust]. 13 October. <http://www.levada.ru/2016/10/13/institutsionalnoe-doverie-2/>
12. Constitution of the Russian Federation, ch.1, art. 7, p. 1. <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>
13. Lokosov V. V. 2012. "Metod predel'no kriticheskikh pokazateley i otsenka chelovecheskogo potentsiala" [Method of Extremely Critical Indicators and Assessment of Human Potential]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, no 5, p. 71-75.
14. Malinetskiy G. G. 2015. "Mezhdistsiplinarnye idei v sotsiologii i vyzovy budushchego" [Interdisciplinary Ideas in Sociology and Challenges of the Future]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, vol. 372, no 4, p. 152-161.
15. Osipov G. V. 2013. "Ne upustit' predostavivshiyshya shans!" [Not to Miss the Chance!]. *Sotsiologiya i ekonomika sovremennoy sotsial'noy real'nosti. Sotsial'naya i sotsial'no-politicheskaya situatsiya v Rossii v 2013 godu*, pp. 6-18. Moscow: ISPI RAN.
16. Gorshkov M. K., Krumm R., Tikhonova N. E. (eds.). 2013. *O chyom mechtayut rossiyane: ideal i real'nost'* [What Russians Dream of: Ideality and Reality]. Moscow: Ves' Mir.
17. RF President Addressing the Federal Assembly as of 1 March 2018. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
18. Simonyan R. Kh. 2013. "Est' li osobiy 'russkiy put'?" (polemicheskie zametki) [Is There Any Special "Russian Way"? (Polemic Notes)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 7, pp. 137-148.
19. Smolin O. N. 2011. "Ne nadoelo vrat'?" Shokiruyushchie priznaniya spetsialista po rossiyskoy statistike" [Tired of Lying? Shocking confessions of a Specialist in Russian Statistics]. *Sovetskaya Rossiya*. <http://www.sovross.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=589425>
20. Kvashnin Yu. D. (ed.). 2016. *Sotsial'noe gosudarstvo v stranakh ES: proshloe i nastoyashchee* [Social State in the EU: Past and Present]. Moscow: IMEMO RAN.
21. Sulakshin S. S. Interv'yuu "Konstitutsiya RF: ostavit' nel'zya izmenit'" [Interview "the Constitution of the Russian Federation: Can Not Be Changed"]. Official website of the Center for Scientific Political Thought and Ideology (Sulakshin Center). Accessed on 15 October 2014. <http://rusrand.ru/tv/media/stepan-sulakshin-na-finamfm-konstitutsiya-rf-ostavit-nelzja-izmenit>
22. Toshchenko Zh. T. 1998. "Sotsial'noe nastroyenie — fenomen sotsiologicheskoy teorii i praktiki" [Social Mood — Phenomenon of Sociological Theory and Practice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 21-34.
23. Toshchenko Zh. T. 2015. *Fantomy rossiyskogo obshchestva* [Phantoms of Russian Society]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga.
24. RF President Decree of 7 May 2018 No 204 "On the National Goals and Strategic Objectives Development of the Russian Federation for the Period up to 2024". <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425>
25. *Formirovanie obshchestva, osnovannogo na znaniyakh. Novye zadachi vysshey shkoly: Doklad Vsemirnogo banka* [Building a Knowledge-Based Society. New Challenges for Higher Education: World Bank Report]. 2003. Moscow.
26. Entin M. L. 2006. *V poiskakh partnerskikh otnosheniy: Rossiya i Evropeyskiy Soyuz v 2004-2005 godakh* [In Search of Partnership: Russia and the European Union in 2004-2005]. Saint-Petersburg.
27. UNESCO. 2005. "K obshchestvu znaniy" [Towards Knowledge Society]. A global report.

28. Yadov V. A. 1999. "Rossiya kak transformiruyushcheesya obshchestvo (Rezyume mnogoletney diskussii sotsiologov)" [Russia as a Transforming Society (Summary of Years of Discussions between Sociologists)]. *Obshchestvo i ekonomika*, no 10-11, pp. 65.
29. Akerlof G. A., Shiller R. J. 2009. *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy and Why It Matters for Global Capitalism*. Princeton: Princeton University Press.
30. Beck U. 2000. *Risk Society towards an Another Modern*.
31. Cini M. 2007. *European Union Politics*. Oxford University Press.
32. Ewald F. 1989. *Die Versicherugs — Gesellschaft. Kritische Justiz*.
33. Fukuyama F. 1995. *Trust*. New York: Free Press Paperbacks.
34. Hardin R. 2001. "Conceptions and Explanations of Trust". In: Cook K. S. (ed.). *Trust in Society*. New York: Russell Sage.
35. Hoffman A. 2005. *Building Trust: Overcoming Suspicion in International Conflict*. SUNY Press.
36. Hosking G. 2011. *Trust: Money, Markets, and Society*.
37. Kegley Ch., Raymond G. 1990. *When Trust Breaks Down: Alliance Norms and World Politics*. University of South Carolina Press.
38. Keynes J. M. 1921. *A Treatise on Probability*.
39. Knight F. H. 1921. *Risk, Uncertainty, and Profit*.
40. Knowledge Economy II Forum "Implementing Knowledge Economy Strategies: Innovation, Life-Long Learning, Partnerships, Networks, and Inclusion" (25-28 March 2003, Helsinki).
41. Koniordos S. 2005. *Networks, Trust, and Social Capital: Theoretical and Empirical Investigations from Europe*. Ashgate Publishing.
42. Luhmann N. 1980. *Trust and Power*. New York: John Wiley and Sons.
43. Merton R. K. 1968. *Social Theory and Social Structure*. Free Press.
44. Misztal B. 1996. *Trust in Modern Societies*. Cambridge: Polity Press.
45. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. 2017. *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905-2016*. August. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
46. Ordeshook P. 1986. *Game Theory and Political Theory*. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511666742
47. Seligman A. B. 1997. *The Problem of Trust*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
48. Shelling T. C. 1963. *The Strategy of Conflict*. Cambridge, Massachussets.
49. Simmel G. 1990. *The Philosophy of Money*, pp. 178-179. London: Routledge.
50. Skidelsky R. 2009. *Keynes: The Return of the Master*. London: Allen Lane.
51. von Stein L. 1921. *Geschichte dersozialen Bewegungin Frankreich von 1789 bis auf unserc Tage*. Bd. III. Munchen.
52. Stiglitz J. E. 2003. *The Roaring Nineties: Seeds of Destruction*. London: Allen Lane.
53. Sztompka P. 1999. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
54. Rodrigues M. J., Elgar E. (eds.). 2002. *The New Knowledge Economy in Europe. A Strategy for International Competitiveness and Social Cohesion*. Pbl.
55. von Neumann J., Morgenstern O. 1944. *Theory of Games and Economic Behavior*. Science Editions, J. Wiley.
56. World Bank. 1999. *World Development Report (1998/99): Knowledge for Development*. The World Bank.